

Анатолий МУРАВЛЕВ, обозреватель "АП"

Алтайский Штирлиц

Алексей МОРОЗ, ветеран войны из Алейска, был советским резидентом в польской армии. Работал под именем Алексиса Мороза. Об этом он молчал почти 60 лет

Да и сейчас всего не рассказывает о своей военной судьбе. Даже близким людям. Как председатель городского совета ветеранов войны Алексей Георгиевич сотни, тысячи раз встречался с земляками, выступал с воспоминаниями. Но говорил о своем участии в других воинских сражениях. О заграничном периоде лишь упоминал так: доводилось бывать в Польше и Германии. Жена догадывалась о прошлом мужа. Иногда в его речи проскальзывали польские слова, акцент. Выдавала и галантность, особенно по отношению к дамам: "Прошу пани". Жена замечала также, что, когда Алексей Георгиевич заходил в квартиру, он почему-то первым делом заглядывал за дверь. Не раз попытывалась, зачем он это делает? Говорил, что служил в Польше - там нельзя было по-другому.

Почти три года, до ноября 1946-го, Алексей Мороз не мог, не имел права даже сообщать родственникам о себе.

Табу о "польском следе" своего бывшего сослуживца не преодолел даже Василий Зайцев, начальник штаба знаменитой 10-й дивизии НКВД, героически воевавшей под Сталинградом. В книге "Исполняя солдатский долг" он рассказал в том числе и о том, как воевал наш земляк, прежде чем стал контрразведчиком, лишь неопределенно упомянув о его дальнейшей воинской судьбе:

"Группу опытных политработников, героев Сталинградских боев, направляли на учебу в военные училища... Одновременно с политработниками отправлялся старшина Алексей Мороз..."

Генерал Сараев питал к нему особую симпатию. Уже в самый последний момент, когда Мороз пришел попрощаться, Александр Андреевич вдруг сказал мне: "Василий Иванович, не хочется отпускать Мороза в Москву. Давайте напра-

шпионам". После окончания школы курсанты, переодетые в польскую военную форму, продолжили подготовку на специальных курсах в Рязани. В общей сложности обучение длилось около года. Разговаривали только на польском языке. Осваивали обычаи и нравы польского общества и армии, способы и приемы контрразведки.

Я спрашивал у Алексея Георгиевича о том, каким приемам контрразведки его учили, но внятного ответа не добился. "Все умел, - отвечал он. - Даже исполнять католические молитвы". Мягко отказался пояснить бывший контрразведчик и то, какая ему была придумана "легенда".

Просто стал паном Алексисом Морозом (ударение в фамилии на первый слог), поручиком Армии Людовой. Оказался в Житомире. Особенно близко сошелся с ординарцем - поляком Антонием Загадским. Спустя десятилетия судьба вновь забросила ветерана войны Алексея Мороза в этот город.

Антония Загадского уже не было в живых, но его тепло встречал сын бывшего ординарца, работавший директором совхоза.

С его отцом Алексис Мороз прошел Украину, Белоруссию, Восточную Пруссию, освобождал Польшу и Германию. Находился в польских соединениях в качестве оперативного уполномоченного армии и старшего уполно-

моченного. По словам бывшего контрразведчика, это были части армии и военно-морского флота. Например, офицерская школа саперов. Относительно долго находился в портовом городе Данциг, который после войны отошел к Польше и был переименован в Гданьск.

За эту службу Алексис Мороз был награжден двумя польскими орденами - "Серебряным крестом заслуги", "Знаком Грюнвальда" и тремя медалями.

Когда враги - рядом

На вопрос, что было самым страшным в его военной биографии, Алексей Георгиевич ответил так. В Сталинграде хоть и навиделся смерти, но знал, где расположен враг и чего от него следует ожидать. А вот позже он не всегда мог определить, кто является врагом.

Фото С. БАШЛЫЧЕВА

Алексей Мороз: снимки 2005 и 1944 годов.

Страшнее всего было, когда по каким-либо причинам срывались намеченные встречи с людьми, с которыми работал советский контрразведчик. Вот и одолевали мысли: может быть, человека схватили гестаповцы или он заболел, а может быть, предал? Что теперь следует ожидать - провала, ареста, расстрела?

Самый драматический случай - разоблачение английского двойного агента. Алексис Мороз не растерялся, приказал, чтобы тот выложил все из карманов. Противник выхватил парабеллум, сделал два шага назад: "Встать, руки вверх!" Но наш земляк - этому его учили в спецшколе - мгновенно выхватил пистолет из его руки, предпринял меры, чтобы резидента арестовали.

Еще один факт биографии советского контрразведчика связан с поиском утекчи оружия из воинской части. Подозрение пало на одного польского офицера, который был задержан врагами. Алтайскому Штирлицу удалось, не привлекая подозрений, пригласить его в штаб, к польским контрразведчикам. Но Мороз совершил ошибку, не обыскав офицера, потому что этим мог выдать осведомителя, указавшего на поставщика оружия. В кабинете, в присутствии трех польских товарищей, резидент попытался оказать вооруженное сопротивление, но был уничтожен на месте.

А с радистом, работавшим на зарубежную разведку, пришлось повозиться долго. Его неоднократно пленговали, но наблюдение ничего не дало. В квартире жили дедушка с внучкой-портнихой, которая принимала заказчиц. Внезапно нагрянули с обыском. Заметили, что на столе стоит несколько столовых приборов, хотя в

доме проживают лишь два человека. Хозяйка оправдывалась, что тарелки предназначались для разных блюд. Но кто из проверявших отметил такую деталь: с улицы у дома - два окна, а изнутри в этой же стене - только одно. Контрразведчики присмотрелись к стене, в которую был встроены шифоньер.

В польской армии.

Оказалось, что в нем была потайная дверь, ведущая в комнату, в которой и скрывался иностранный радист. Его взяли вместе с радией.

Под грифом "Секретно"

Алексей Георгиевич осенью 1946 года очень затосковал по Родине, буквально заболел ностальгией. Был отозван в СССР. Вернулся домой, женился, работал.

Еще до войны он окончил педучилище, преподавал в школах Шипуновского района. Этим там же занялся и после демобилизации. Потом работал инструктором райкома и край-

кома партии, заместителем директора машинно-тракторной станции, избирался секретарем райкома. После выхода на пенсию много сил отдавал общественной работе, являясь председателем Алейского городского совета ветеранов.

Ему есть чем гордиться и кроме участия в польских событиях. Под Сталинградом воевал в составе прославленной 10-й дивизии НКВД, которая ценой гибели не пустила фашистов за Волгу. За 56 дней страшных боев из 15 тысяч военнопленных осталось в живых лишь 91 человек. В том числе и Алексей Мороз - единственный из взвода. Причем без единой царапины. Чудом спасшихся воинов наградили, нашего земляка - орденом Красной Звезды. А 10-й дивизии НКВД, впоследствии переименованной в 181-ю, "всесоюзный староста" Михаил Калинин вручил орден Ленина. На этой церемонии довелось присутствовать и Алексею Морозу. В биографии война - еще и участие в боях на Курской дуге. Там он дважды был ранен - в голову и в руку. Но от госпитализации отказался, поля боя не покинул.

Спустя десятилетия, когда стали одолевать болячки, обеспокоился Алексей Георгиевич о пенсии инвалида войны. С трудом удалось получить сведения, подтверждавшие ранения. Ведь многие документы алтайского Штирлица поныне лежат в архивах под грифом "Секретно".

Книги о 10-й дивизии НКВД.

Делегация воинов 10-й дивизии НКВД во главе с полковником Сараевым на приеме у председателя ВЦИК СССР Михаила Калинина по случаю награждения дивизии орденом Ленина. Декабрь 1942 года. Алексей Мороз - крайний справа во втором ряду. Фото из личного архива.

вим его на курсы младших лейтенантов, тогда он возвратится в дивизию". - "Но Мороз прошел все отборочные комиссии и едет в спецшколу", - возразил я.

Что ж, делать было нечего. На прощание генерал Сараев обнял своего любимца и сказал: "Знаю, что ваша служба в дивизии закончена, но уверен, что в ходе учебы и последующей службы вы достойно пронесете традиции сталинградцев". Алексей Мороз оправдал надежды комдива. После окончания спецшколы он находился в заграничных командировках".

На польском языке

Итак, летом 1943 года Алексея Мороза направили на учебу в Первую московскую школу ГУКРА "СМЕРШ" - Главного управления контрразведки Наркомата обороны "Смерть